

© Н.А. Багдасарова

Иллюстрация к хронотопу 1970-х: фрагментарное письмо в академическом дискурсе (на примере Ролана Барта и Арона Брудного)

Ключевые слова: текст, смысл, Арон Брудный, Ролан Барт, фрагментарное письмо, «смерть автора»

Эссе посвящено анализу дневников известного советского философа Арона Брудного за период с 1974 до 1989 г. Для анализа выбран сам стиль письма, который можно назвать «фрагментарным письмом». Обсуждается появление такого письма в 1970-е годы во Франции и СССР — на примере дневников и книг Брудного в сопоставлении с текстами Ролана Барта «Фрагменты речи влюбленного» и «Как нам жизнь вместе» — как часть общего хронотопа. Предлагается интерпретация возникновения и популяризации фрагментарного письма в академическом пространстве как момента сдвига в понимании роли автора в производстве смыслов. В 1970-е годы акцент смыслообразования сдвигается с фигуры автора на сам текст и на читателя, который взаимодействует с этим текстом.

Исследование позднесоветского культурного и академического ландшафта, безусловно, требует изучения процессов, происходивших на так называемой «периферии». Мне уже доводилось писать на эту тему в 2016 г., анализируя работы, посвященные общению, которые создавались в позднесоветском Фрунзе. Работа была опубликована в сборнике «Понятия о советском в Центральной Азии» (Багдасарова 2016). Этот сборник в целом ориентирован на представление такого взгляда на «советское», который существовал на «окраинах» СССР. Тогда я, вполне ожидаемо, предположила эпитафией к своей работе строки Бродского: «Если выпало в Империи родиться, лучше жить в глухой провинции у моря». Этот эпитафий отражает очень важный

Багдасарова Нина Ароновна – канд. психол. н., проф. Американского университета в Центральной Азии, Бишкек. bagdasarova_n@auca.kg, nina.bagdasarova@gmail.com <https://orcid.org/0009-0008-4372-5454>.

Для цитирования: Багдасарова Н. А., Иллюстрация к хронотопу 1970-х: фрагментарное письмо в академическом дискурсе (на примере Ролана Барта и Арона Брудного) // *Антропологии/Anthropologies*. 2023. № 1. С 27-43, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2023-1/27-43>.

аспект научной жизни на периферии¹. Как мне кажется, его можно связать с большими возможностями и свободой для самовыражения, что очень емко выражено в одной фразе. Здесь и присутствие сильной власти, и возможность избежать контроля, укрывшись где-нибудь далеко от того места, где эта власть сосредоточена — «в провинции». Между тем, провинцией очень часто пренебрегают, ее считают неважной, подспудно думая о ней как о «вторичной», неоригинальной, следующей за Центром — ей отказывают в самостоятельности и в субъектности. Однако стоит лишь чуть-чуть сместить фокус своего внимания — и можно обнаружить, что это не так. Именно это мы и пытались сделать, организовав симпозиумы и публикуя сборник в 2015–2016 гг. в Бишкеке.

Для более детального понимания того, какие идеи и авторы были важны для философов и психологов во Фрунзе 1970–1980-х годов, можно обратиться к моей статье в вышеупомянутом сборнике (*Багдасарова* 2016). Вкратце скажу, что фрунзенские ученые пересекались как на встречах, так и внутри публикаций, с коллегами не только из Москвы, но и из Тарту, Иваново, Еревана и других городов. Заметное влияние на них оказало общение с членами ММК — Московского методологического кружка (тоже «внутренняя» периферия своего рода, как и многие другие «кружки» того времени). В частности, герой моей статьи Арон Брудный дружил с Владимиром Лефевром, и это довольно тесное на тот момент общение сыграло серьезную роль в развитии идей каждого из них.

Конечно, ситуация сильно изменилась со временем, а сегодняшние интерпретации того, что происходило в тот период, существенно зависят от идеологической позиции интерпретаторов (включая меня). Я убеждена, что все, что связано с советским прошлым, до сих пор так или иначе «заряжено» эмоционально, хотим мы этого или не хотим. Это превращает нашу политическую позицию из пункта более или менее нейтральной рефлексии в место продолжения идеологической борьбы. И это, безусловно, очень важно, но в то же время такое, явное или неявное, отношение к советскому как будто «принижает» все, что было придумано или создано в то время, и не дает этим достижениям и успехам «подняться» над историческими условиями и стать просто частью какого-то всеобщего наследия, которое мы воображаем, размышляя о человечестве. Может быть, как раз поэтому нижеследующий анализ оказался максимально деидеологизированным, адресованным «чистому» движению мысли и письма. В конце концов, пересекая пространство и время, всех нас объединяет универсальная способность думать и понимать, несмотря на любые культурные и исторические различия.

Объект анализа как вещь

У меня как у автора с данным текстом изначально сложные отношения. Прежде всего это отношения личные, поскольку текст посвящен первому «тому» 10-томного собрания дневников/записных книжек моего отца Арона Абрамовича Брудного, известного советского философа и психолога (далее

¹ При этом периферия могла быть не только географической, но и «отраслевой». Например, работы по лингвистике, семиотике, фольклору или структурной антропологии, включая большое количество переводов, существовали и в «центре», но не очень интересовали курирующие органы, а книги на эти темы могли публиковаться в таких издательствах, как «Радио и связь».

в тексте я иногда буду заменять его имя, отчество и фамилию аббревиатурой ААБ)². Следует отметить, что этот «том» является самым первым из десяти блокнотов, записи в которых он начал вести в 1974 г. и продолжал это делать практически до конца жизни. Блокноты представляют собой обычные ежедневники, подобные очень толстым тетрадам, но имеющие как бы форму книг. В советское время и в ранние 1990-е такие блокноты в виде книжек не так уж часто попадались в продаже; их ему обычно дарили, и он ими очень дорожил. В итоге из них собралась целая коллекция, которую он так и не успел окончательно «исписать». Чем-то эти блокноты напоминают его «большие» книги. Как я постараюсь показать ниже, возможно, это сам принцип письма, но все-таки дневники и книги — это совершенно разные жанры. В этих рукописных «маленьких» книгах собраны короткие заметки, комментарии к цитатам, прочитанным текстам, событиям из жизни, просто размышления. Хотя «просто» размышлений, наверное, не бывает, и в этом собственно и состоит ценность подобных дневников — в возможности проследить связь между временем и размышлениями автора (Фото 1).

Фото 1

В последние годы жизни отец часто обсуждал со мной судьбу этих записных книжек; он очень хотел, чтобы они были изданы, но только после его ухода. Изданы именно как записные книжки. На самом деле почти все блокноты могут быть подготовлены к печати и изданы как раз в этом формате. Это была моя ответственность — сделать так, чтобы они увидели свет. Однако мне до сих пор не удалось подступить к решению этой задачи. Поначалу это были понятные эмоциональные сложности: даже прикоснуться к этим записям было больно, не говоря о том, чтобы отнестись к текстам профессионально — мешала наша тесная привязанность и мои чувства, связанные с переживанием

² Брудный Арон Абрамович (1932–2011) — доктор философских наук, профессор, автор известных работ, посвященных пониманию текста. Он родился во Фрунзе (теперь Бишкек) в 1932 г. в семье профессора-отоларинголога. Окончил школу экстерном и затем учился в Ленинградском медицинском институте и Киргизском государственном университете, получая одновременно два высших образования: медицинское и философское. После этого он писал две кандидатские диссертации, но в итоге выбрал философию. Защитил докторскую диссертацию о связи языка и сознания по семантике языка и стал профессором довольно рано — ему не было еще и 40 лет. По материалам его докторской диссертации во Фрунзе в 1972 г. вышла книга «Семантика языка и психология человека». Неоднократно читал лекции в МГУ и других университетах. Его наиболее известные книги были изданы уже на рубеже 1990-х и 2000-х годов: «Пространство возможностей» (1999), «Персонетика» (2003), «Наука понимать» («Психологическая герменевтика») (2005). Ему нередко предлагали перебраться в Москву, но он всегда выбирал Бишкек.

его ухода. Сегодня, спустя 12 лет после его смерти, работа над текстами стала возможна, и не просто возможна — во мне зародилось стойкое и «несгибаемое» намерение завершить этот проект. И вот тут начались сложности совсем другого рода.

Я не специалист по работе с архивами, я никогда не делала профессионального анализа дневников и другого рода записок, которые порой так блестяще издаются, как дополнения или даже составные части полного собрания сочинений некоторых авторов. Однако Арон Абрамович поручил эту работу именно мне, потому что, как мне хочется думать, доверял моей способности разобраться с этой задачей. Мы не так уж часто работали вместе, хотя я была рядом с ним и много помогала в то время, когда он писал свои большие книги — «Науку понимать» или «Психологическую герменевтику» (*Брудный* 2005) и «Пространство возможностей» (*Брудный* 1999). Я видела и ощущала метод его письма изнутри. И все же, все же, все же... освоить этот корпус текстов — записок, комментариев, размышлений — оказалось очень сложно. И наиболее сложным стал именно самый «первый том», который датирован 1974–1989 годами. Собственно, эти даты и являются фокусом данного номера журнала, посвященного развитию гуманитарного знания в позднем СССР, а записи в этом блокноте послужили вызовом, на который я попытаюсь ответить своим анализом.

Сразу оговорюсь, что жанр данного анализа не претендует на строгую академическую статью — это скорее эссе, набор ассоциаций, некая фрагментарная рефлексия. В общем, это анализ, сделанный в стиле того самого текста, который я и пытаюсь представить на этих страницах. Поэтому прежде чем обратиться к самому тексту записок, следует хотя бы в общих чертах описать, что это за текст и как к нему можно обратиться.

Фрагментарное письмо, письмо для себя или что-то иное?

Как я и обещала с самого начала, я буду отталкиваться в своем анализе от своих ассоциаций. Сам ААБ, обсуждая издание этих записных книжек, приводил в пример записные книжки Витгенштейна и, видимо, представлял их презентацию ближе к витгенштейновскому формату. Это может быть более или менее посильной задачей практически для всех десяти книжек (хотя я пока в этом тоже не совсем уверена), для всех — кроме первой. Если следующие блокноты содержат много ясных комментариев и фрагментов в форме размышлений, с минимальным вкраплением дневникового письма, то первый том достаточно близок именно к дневнику.

Это дневник с заметками типа «Звонил Юлику³», «Сдал статью» или «Заплатил за квартиру», однако он параллельно заполнен не просто комментариями и размышлениями по поводу конспектов или цитат, но включает еще и огромное количество страниц со сценами из пьесы, посвященной римской

³ Шрейдер Юлий Анатольевич (1927–1998) — советский/российский философ, близкий друг ААБ, с которым он состоял в постоянной переписке и тесно общался. Среди других его близких друзей, с которыми происходил обмен необходимо также упомянуть Алексея Алексеевича Леонтьева.

истории времен Мессалины, которую ААБ сочинял в те годы⁴. Существенная часть объема этого дневника заполнена стихами (чужими! — это цитаты и, судя по всему, очень важные и дорогие для определенного момента времени). Помимо подряд исписанных страниц, отведенных пьесе о Мессалине, можно выделить страницы с конспектами выступлений коллег на отдельных больших форумах и комментариями к ним (например, на всесоюзной конференции в Баку). Несколько страниц отведено спискам литературы, которую необходимо прочесть (скорее всего, эти списки связаны с поездками в Москву и возможностью поработать в библиотеке). Довольно много места отведено пробным попыткам экспериментирования — отдельным блоком выглядит задумка исследования с проведением интервью, в попытке описать *Zeitgeist*⁵. Это то самое исследование, которое многие годы спустя завершилось изданием книги «Персонетика. Глубокий рейд» (Брудный 2003).

Кроме того, необходимо описать организацию текста внутри записных книжек. Главной характеристикой именно данного «первого тома» (которая в более поздних записных книжках или не представлена, или представлена менее систематически) является наличие отдельных цитат-афоризмов внизу каждой страницы. Афоризмы написаны разноцветными ручками или чернилами и отделены чертой от остальной части страницы. Визуально они чем-то напоминают сноски, но функционально ими не являются. Скорее всего, эти высказывания были занесены в блокнот до того, как там появились какие бы то ни было другие записи и стали частью дизайна каждой страницы, обрамляя во всех остальных отношениях «чистый лист». Часть из этих афоризмов снабжена комментариями, другие же выглядят абсолютно независимыми от основного текста, который существует на странице. Безусловно, набор этих афоризмов требует отдельного анализа, но для начала важно зафиксировать сам факт их наличия, так как их роль в визуальном восприятии страницы огромна (они видны на всех фото).

Однако основной объем блокнота занят цитатами из прочитанных книг и статей, комментариями к ним и собственными соображениями на ту или иную тему. Жанр такого письма обозначить чрезвычайно сложно. Сегодня это мог бы быть блог с работающими ссылками на источники (а может быть и с фото по поводу каких-то личных событий). Для 1974 г. это выглядит как очень сложно устроенный «гипертекст» с отсылками не только к отдельным цитатам, которые оформлены обычным академическим порядком, но и к собственно авторским фрагментам текстов внутри самого тома заме-

⁴ ААБ уделял большое внимание театру и сочинял в жанре пьес или коротких сенок различных тексты. Его пьеса «Спиритический сеанс» была поставлена в Московском театре «Поиск предмета» в 1997 г. Сцена «Метафизика игры», иногда называемая отрывком из пьесы «Салун «Последний шанс»», была опубликована во втором номере журнала «Апокриф» (<https://lizardian.livejournal.com/954463.html>) и разыграна на сцене дважды (в 2016 и 2018 гг.) во время событий, посвященных его творчеству.

⁵ Ниже будет обсуждаться понятие «хронотопа», которое отнюдь неслучайно возникает в моем анализе. Размышления ААБ на тему *Zeitgeist* сыграли огромную роль в его теоретических поисках и находках. В частности, «Персонетика» является, возможно, уникальным для советской науки примером исследования «духа времени» посредством не только проведения (довольно необычного) интервью, но одновременно и путем создания литературного, отчасти художественного текста.

ток⁶. Для этого указывается страница и обозначение фрагмента, используя которые, фрагменты (рассеянные по всей записной книжке) можно собрать в отдельные, относительно цельные, тексты. Есть, например, фрагменты, которые относятся к общему заглавию «Гексамерон», а есть отрывки из текста, названного «Частные предположения» (ЧП) и некоторые другие. Список страниц с фрагментами из каждого такого цикла вынесен в начало записной книжки, наподобие оглавления — это явно было сделано намного позже (Фото 2 и 3). Сами же эти циклы отчасти вошли в более поздние статьи и книги: в «Психологическую герменевтику», «Пространство возможностей», «Персонетику». Однако существенная часть этих записей осталась не использованной, хотя, на мой взгляд, они по-прежнему представляют серьезный интерес. Я использовала часть из этих записей для философского консультирования в технике «медленного чтения» и на практике обнаружила их огромный потенциал.

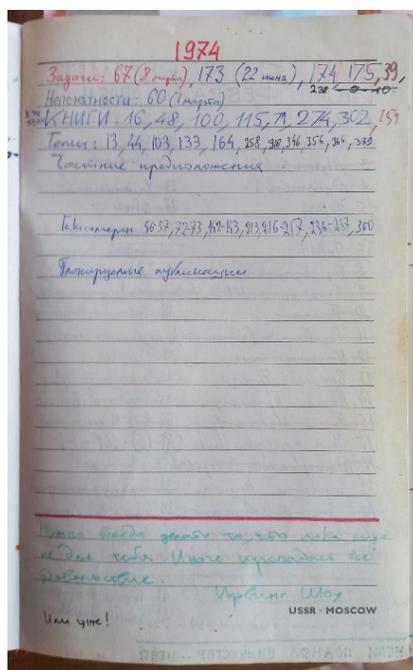
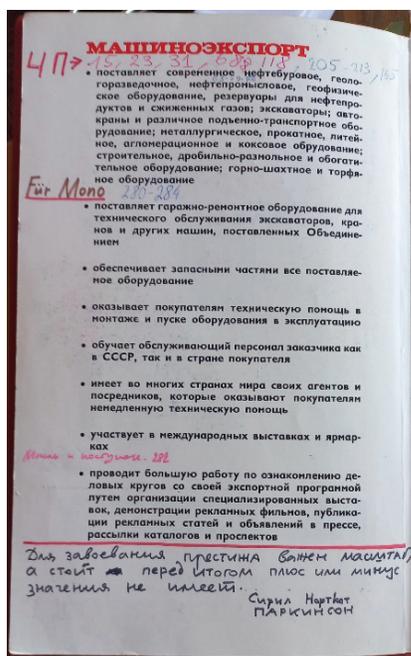

Фото 2 и 3

Таким образом, текст блокнота является пестрым, фрагментарным, но отнюдь не беспорядочным. С одной стороны, можно рассматривать этот тип текста как «письмо для себя», с учетом сокращений и одному автору ведомых отсылок. Скорее всего, изначально функция блокнота состояла именно в этом. С другой — текст, кажется, адресован не только автору. И это видно не по тому, как сделаны более поздние вставки, типа оглавления по циклам

⁶ Сегодня требуется серьезное усилие воображения, чтобы понять, насколько необычно и сложно было создавать нечто подобное в ту эпоху, когда тексты существовали только в твердой копии и далеко не всегда были в доступе дома, хотя личная библиотека ААБ была громадной — до 10 000 томов, не считая журналов.

(которых, кстати, совсем немного), а по тем же афоризмам внизу каждой страницы, которые странным образом влияют на процесс чтения и похожи на отвлекающую провокацию. Кроме того, некоторые цитаты и комментарии к ним выглядят довольно полемично и приглашают к обсуждению. Но самое интересное внутри этого текстового коллажа — наличие некоторого обоснования для именно такого типа письма. Кому адресовано это обоснование? Самому себе или тому, кто возможно будет читать эти записки? Я попытаюсь проанализировать именно те фрагменты, которые описывают и определяют сам характер этого необычного текста, состоящего практически из всех возможных типов речи (кроме разве что технических инструкций по использованию приборов, хотя метафоры такого рода в этом странном тексте тоже присутствуют, и они важны для его понимания, как будет показано ниже).

Текст блокнота, порождающий ассоциации

Как я уже упоминала выше, я не владею техниками работы с архивами, но пойду по пути собственных ассоциаций и постараюсь в конце этого пути достичь каких-то выводов. Как будет видно ниже из приведенных цитат — они действительно полны сокращений и внутренних отсылок. Я буду стараться давать максимальное количество комментариев к каждой короткой цитате, но это будут мои комментарии. В то же время (и это чрезвычайно важно для моего анализа!) каждый читатель имеет право на свои комментарии и свое понимание представленных фрагментов.

Итак, этот первый том записок у меня не вызывает никаких ассоциаций с Витгенштейном, однако кажется тесно связанным с письмом, характерным для поздних работ Ролана Барта: с «Фрагментами речи влюбленного» и с конспектами лекций для курса «Как нам жить вместе» в Коллеж де Франс. Следует отметить, что в данном блокноте Барт упоминается лишь однажды, ближе к концу тома, но в библиотеке ААБ были все его переведенные книги (и не в одном варианте), которые он знал довольно хорошо. Однако книги эти не входили в круг его чтения в период написания данного дневника, за исключением самых последних страниц, которые относятся к концу 1980-х годов. Существенные для моего анализа тексты были переведены позже: «Смерть автора» появилась в 1994, «Фрагменты речи влюбленного» — в 1999, конспекты «Как нам жить вместе» — в 2015 г. Напоминаю, что первые записи в блокноте появились в 1974 г. (и большая часть фрагментов, которые я буду цитировать, относится как раз к середине и второй половине 1970-х годов).

Несмотря на то, что непосредственного знакомства с текстами Барта, посвященными фрагментарному письму, у ААБ в те годы быть, скорее всего, не могло, моя ассоциация не представляется мне случайной. Упомянутые выше книги Барта были написаны в 1976–1977 гг., то есть примерно в то же время, когда заполнялся анализируемый блокнот. Фрагментарное письмо в то время (1970-е годы) уже не было серьезной инновацией, но интересно, что оно становится все более популярным и для него ищется обоснование. Барт сознательно выбирает для своего курса «о жизни вместе» (также, как и для «речей влюбленного») этот формат — набор фрагментов, которые не образуют нарративной непрерывности. Он ссылается на Ницше, в трактовке П. Клоссовски, который говорит, что иллюзия непрерывности нашего существования возникает за счет языка:

...мы мыслим себя непрерывными, хотя живем лишь прерывисто; однако эти прерывистые состояния связаны лишь с тем, как мы используем или не используем неподвижность языка: быть сознательным — значит использовать ее... необходимо переломить неподвижность языка, подойти вплотную к нашей фундаментальной прерывистости («Мы живем лишь прерывисто») ... Поэтому наш курс должен складываться как последовательность прерывистых единиц: фигур. Я не захотел (я не отказался?) группировать их по темам ... Это как игральные карты. Заметьте: игра (game) — нормативна, она стремится победить, преодолеть беспорядок изначально данного, случай она рассматривает как беспорядок. То же и с карточками: и во всякой игре — game (игре в карты) единицы объединяются в семьи (по-прежнему, до сих пор): черви, пики, каре, сет, стрит. Мы же тасуем карты и достаем их в той последовательности, как они выпадут... Девиз карточного игрока: «снимаю», то есть действую против неподвижности языка (Барта 2016: 68).

Такова достаточно широко известная позиция Барта по поводу фрагментарного «прерывного» письма, письма, которое приближает нас к некоторой подлинности переживаний, в отличие от письма нарративного и аргументативного, в котором наши переживания встроены в уже существующие шаблоны историй или в уже существующую логику готовых аргументов.

Рассмотрим теперь то, как обосновывается формат разношерстных и разрозненных записок в блокноте ААБ. Я выбрала для анализа несколько фрагментов, обозначенных буквой А и номерами, все эти А-фрагменты, по-видимому, относятся к циклу «Частные предположения» (ЧП) и разбросаны по разным страницам. Я отталкивалась от фрагмента А-9/23 со страницы 31. Возле этого фрагмента были сверху надписаны ссылки и на фрагменты с других страниц, часть из которых я тоже приведу ниже (Фото 4).

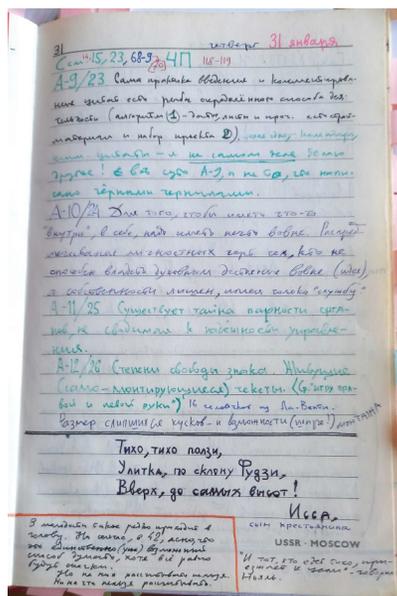

Фото 4

Стр. 31.

A-9/23 Сама практика введения и комментирования цитат есть рыба определенного способа деятельности (алгоритм (1) — даты, листы и проч. есть стройматериалы и набор проекта (2) Делая одно, — календарь, комм. цитаты — я на самом деле делаю другое! — вот суть A-9, а не то, что написано черными чернилами.

Таким образом, практика комментирования цитат — это создание самой ткани текста. Это не стройматериалы, это письмо как таковое. Чуть ниже эту мысль подтверждает фрагмент A-12.

Стр. 31

A-12/26 Степени свободы знака. Живущие, (само-монтирующие-ся тексты) <Ср. «игру правой и левой руки», 16 человечков из Лавенты>. Размер слипшихся кусков — и возможности (шире!) монтажа.

Казалось бы, логика, или даже просто ожидание монтажа, противоположны идее Барта. Барт сознательно уходит даже от минимального ассоциативного объединения фрагментов у себя в тексте и выбирает для их презентации алфавитный порядок как гарантию того, что даже случайно никакого их объединения в самом тексте не произойдет. Но монтаж — это же соединение? Однако если пойти по сноскам к другим фрагментам под литерой «А», которые у ААБ аккуратно воспроизводятся как перекрестные ссылки возле каждого из них, как вперед, так и назад по тексту, то они помогут выявить существенную близость с бартовским отношением к «прерывному» тексту. Да, речь идет о возможном монтаже. Но что будет монтироваться? И как? Каков механизм этого монтажа? И зачем нужен тот монтаж? Гипотеза ААБ — монтаж нужен, чтобы понять, о чем речь, чтобы из текста извлечь смысл.

Для ответов на эти вопросы следует пройти по ссылке на страницы дневника 68 и 165 (Фото 5 и 6). Там возникает характерное сравнение смысла с материей, а текста с флотационной жидкостью.

Стр. 68

A-13/27 Флотация текста как модель: жидкий текст (подобрать жидкость!), на дно оседают: концепт или F_{inf} (по Игорю)⁷, затем другие слои.

A-15/29 Смысл целостен, его определение аналогично определению материи. Смыслы также отличны друг от друга как вещи. В вещах есть что-то, кроме материи и это «что-то» форма. А смыслы отличны потому <наоборот?>... <Вот почему слова = чистая форма?>

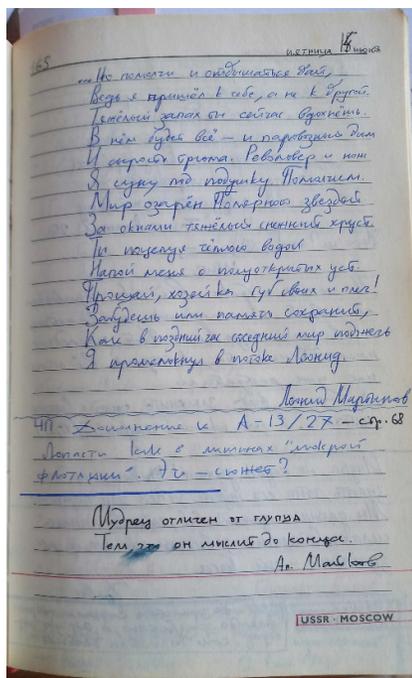
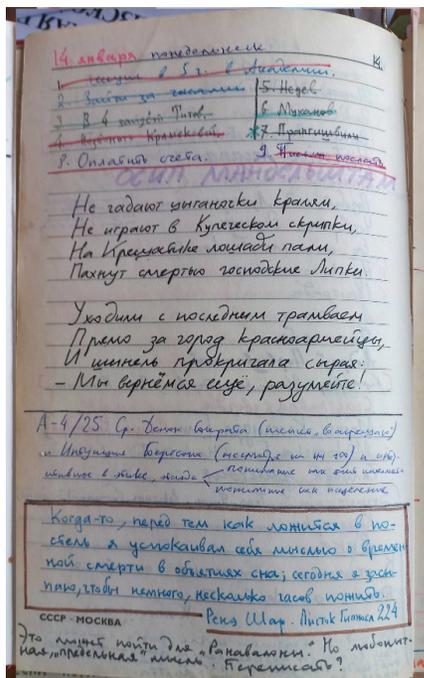
Стр. 165

ЧП — Дополнение к A-13/27 — стр.68. Лопасты как в машинах «морской флотации». Это сюжет?

⁷ На кого сделана эта ссылка, требует дополнительного исследования.

Фото 5 и 6

Тут можно подробнее рассмотреть модель флотации. Чтобы отделить друг от друга различные вещества их сначала заливают водой, а затем перемешивают (например, с помощью вращающихся лопастей, как в миксере). Только после того, как получена равномерная взвесь этих веществ, они начинают отделяться друг от друга. Например, из смеси песка и глины, первым в осадок выпадет песок (как более тяжелое или крупнозернистое вещество), глина выпадет следующим слоем и т. д. Что нам дает эта метафора? Смыслы — это различные материи, вещества с разными свойствами. Текст — это флотационная жидкость — смесь различных веществ. Сюжет перемешивает смыслы внутри текста, чтобы машина заработала и начался процесс выпадения различных веществ (концептов, метафор) в осадок. Из них и возникнут, в итоге, разные смыслы. Форма в работе флотационной машины не важна; важна материя — свойства вещества. Обязателен ли в тексте сюжет? Текст — это уже флотационная машина, смыслы заключены в нем по определению⁸. Может ли сюжет не помогать, а мешать проявлению смыслов?

В этих фрагментах можно проследить и связь с Бартом, и определенное расхождение. ААБ открыто ставит вопрос о том, о чем Барт, практикуя «прерывное» письмо, напрямую не говорит — это вопрос о смысле. Смысл у Барта как бы выпадает в осадок просто по факту самого существования текста

⁸ Везде в данных фрагментах подразумеваются осмысленные тексты или тексты, как их называл ААБ, «в принципе доступные пониманию».

(сколь угодно фрагментарного). Ответ на вопрос о роли сюжета для смысла у Барта будет, наверное, однозначным — сюжет мешает! Он затеняет «прерывность» бытия, он создает «иллюзию» смысла за счет наличия истории, он отдаляет нас от понимания нас самих. И тут уместно привести еще одну отсылку к другому фрагменту ААБ, одному из самых ранних в серии «А-фрагментов» — А-4/25 (Фото 7).

Стр. 14

А-4/25 Ср. Демон Сократа (шепчет «воспринимаю») и Интуиция Бергсона (несмотря ни на что) и интуитивное в этике

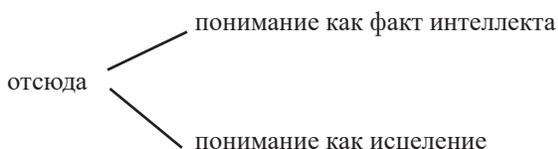

Фото 7

Здесь становится интересным целый ряд ассоциаций с Бартом. Безусловно, что «Фрагменты речи влюбленного» содержат в себе мощнейший исцеляющий эффект, что, скорее всего, входило и в замысел Барта (Барт 2002). Хотя эти фрагменты расположены в алфавитном порядке, любой человек, имевший опыт влюбленности, легко обнаруживает в этом наборе некое подобие сюжета — и это подобие хронологическое⁹. Мы можем говорить о том, что по прочтении всего текста «Фрагментов...» нечто выпадает в осадок: сложно назвать это смыслом в концептуальной (интеллектуальной) версии этого слова, но «понимание как исцеление» становится тем, что мы обретаем в итоге. И тогда гипотеза о том, что флотацию, выпадение смысла

⁹ Хотя сами фрагменты не расположены в этом порядке — хронология позже «выпадает в осадок» вместо со смыслом.

в осадок, нам помогает осуществить сюжет (сюжет? сюжет как хронология? — все же с вопросительным знаком!), становится не такой уж далекой и от проекта Барта.

Но все же сходство очевидно — текст из фрагментов провоцирует инсайты и поэтому близок к исцелению. Хотя у Барта лопасти, работающие в машине, имеют источником мой собственный опыт, а не чью-то историю. То же самое можно, наверное, сказать и об инсайтах интеллектуальных. Работа с цитатами из блокнота ААБ и комментариями к ним подтверждает продуктивность данной метафоры. Сама техника «медленного чтения» базируется на фрагменте, который надо изучить — знание о полном тексте, из которого взят данный фрагмент, может в какой-то степени даже помешать процессу¹⁰.

«Прерывное» письмо в общем хронотопе

Если рассматривать проект Барта по «прерывному» письму с попыткой сблизить письмо с жизнью субъекта и избавить его от иллюзии «непрерывности», которую мы получаем, пользуясь языком, он становится созвучным и проекту ААБ в его исследовании процессов понимания.

Самый первый том его записных книжек является и первой попыткой осуществить фрагментарное письмо, которое он впоследствии превратил в свой основной способ работы, а фрагменты, которые я выбрала для анализа, напрямую связаны с обоснованием такого типа письма.

Я отчетливо помню, как он «собирал» книгу «Наука понимать» (именно собирал!), которая потом переиздавалась как «Психологическая герменевтика». В середине листа А-4 была наклеена вырезанная из какого-то текста (или написанная от руки) цитата. Листы с цитатами раскладывались на всех доступных поверхностях. Он их рассматривал. Перекладывал. Потом выбирал какой-то из листов и начинал вокруг цитаты писать свой текст (конечно, при этом в ход шли уже и дополнительные листы чистой бумаги, которые исписывались целиком). Затем писался текст вокруг другой цитаты, затем вокруг третьей и т. д. После того, как все цитаты были окружены текстом, листы бумаги располагались в определенном порядке, иногда (довольно редко, кстати) с добавлением каких-то «переходов» и «связок». Переходы были не нужны не только потому, что текст оказывался связным, но, как я теперь понимаю, еще и потому, что им, связкам, было «отказано» в принципе. Письмо было принципиально фрагментарным.

То, что фрагментарность была делом принципа, доказывает и тот факт, что свою первую книгу «Семантика языка и психология человека» (1972) он переделал буквально за несколько недель до смерти. Он расчертил первоначальный вариант, удаляя крупные участки текста, а оставшиеся кусочки пронумеровал. Он начал обсуждать переиздание книги именно в таком формате, но сам этого сделать не успел. Уже после его смерти, к 85-летнему юбилею, книгу так и издали под названием «Фрагменты (Семантика языка и психология человека)» (*Брудный* 2017).

¹⁰ Подробнее о «медленном чтении» можно прочесть на сайте <http://raphp.ru>.

чем ситуации. А господствующий в литературе жанр, как писал сам Бахтин, определяется именно хронотопом. Можем ли мы эту идею Бахтина перенести из пространства литературы в пространство академического письма, для которого жанры тоже имеют значение? Сегодня ведь никто не пишет трактатов, так же, как и в XVI или XVII в. никто не писал статей...

Если да, то о чем нам может сказать близость между французским и советским философами, которые принадлежали к разным поколениям, но успели совпасть в своих жизнях в определенный период времени?¹¹ В чем особенность хронотопа, который заставил их выбрать фрагментарное «прерывное» письмо для выражения своих идей?

Мне представляется, что хронотоп того времени был зафиксирован Бартом в его знаменитой статье «Смерть автора» (Барт 1994). Смыслы больше не могут напрямую предлагаться или диктоваться «в открытую» убедительным (убеждающим?) авторским текстом. Текст создается автором как *нечто порождающее смыслы*, но эти смыслы возникают из текста самостоятельно, *при взаимодействии с читателем*. У ААБ эта мысль прослеживалась и в ранних работах, а уже в поздние годы у него вышла статья под названием «Текст как машина превращений», где эта идея прописана совершенно отчетливо (Брудный, Багдасарова 2007)¹². И тогда уже неважно, насколько ААБ дорожил своими идеями, мечтал о признании и радовался как ребенок каждому достойному цитированию или ссылке на его работы (а он был по-детски тщеславен!). Мы уверенно можем говорить о том, что как минимум с 1974 г. (дневник начат, когда ему исполняется 42) он выбирает фрагментарное письмо. Письмо, при котором *приоритет по извлечению смысла отдается тексту*, смысл становится *материей текста*, он выпадает из него в осадок при чтении, при вращении лопастей машины «флотации», а эти лопасти — это то, *что в текст привносит читатель*, используя свою дискурсивную оптику и свой собственный жизненный опыт.

Барт написал «Смерть автора» в 1967 г., когда ему было 52, а «Фрагменты речи влюбленного» вышли в 1977 г. Эти временные и возрастные рамки говорят нам о том, что мы можем, по крайней мере, попробовать поразмыслить о существовании хронотопа, объединяющего движение мысли в Европе и позднем СССР. Если учесть, что исследования в сфере лингвистики, семиотики и структурной антропологии были одними из самых доступных в русскоязычных переводах и обзорах, то и философское осмысление многих феноменов и концептов в этой сфере могло сблизиться. Мне в данной конкретной связке Барта и Арона Брудного больше всего интересно то, что связь обнаружилась не в кибернетике или системном подходе, и даже не в структурной интерпретации текста. Близость проявилась на уровне экзистенциального вопрошания о том, как язык и текст связаны с нашим пониманием и с тем, как мы производим и находим смыслы. И проявилась она именно в самой *практике этого вопрошания, в «прерывном» письме*, в том, как автор создает из текста объект, порождающий смыслы, объект, открытый для понимания.

¹¹ Интересно, что Барт обсуждает возможность виртуальной встречи Ницше, Маркса и Фрейда, несмотря на поколенческий разрыв между ними (Барт 2016: 48).

¹² Редкий, если не уникальный, случай написания мной совместного текста с ААБ — моя часть, как я теперь это вижу — просто фрагмент на тему.

Возвращаясь к началу этого эссе, хочется повторить слова о важности анализа «чистого» движения мысли, не замутненного идеологией. Да, конечно, Барт был человеком левых убеждений, а ААБ был членом коммунистической партии. Да, хронотоп — это концепт напрямую связанный с исторической ситуацией, от которой наше мышление никогда не бывает свободно. Да, безусловно, мы не можем исключить политику из того, как мы мыслим. Убить в себе автора, сдать «на милость» читателя, позволить ему полную свободу быть субъектом чтения — это политическое решение. Но само движение к этому решению, само мышление, как пространство поиска истины — они превосходят сиюминутное и идеологическое как продукты истории. Они превращаются в фигуры логики и становятся чем-то вечным, чем-то, что останется грядущим поколениям, тем, что навсегда изменит их возможности думать и понимать.

Литература

- Багдасарова Н.* Личность. Общее. Общение. Прогрессивная философия советской периферии // Понятия о советском в Центральной Азии: Альманах Штаба № 2 / сост. и ред. Г. Мамедов, О. Шаталова. Бишкек: Штаб-Press, 2016. С. 130–174.
- Барт Р.* Смерть автора // *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 384–391.
- Барт Р.* Фрагменты речи влюбленного. М.: Ад Маргинем, 2002.
- Барт Р.* Как жить вместе: романтические симуляции некоторых пространств повседневности. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.
- Брудный А.* Метафизика игры // Апокриф. 1992. № 2. [Электронный ресурс]. <https://lizardian.livejournal.com/954463.html> (дата обращения: 15.09.2023).
- Брудный А.* Пространство возможностей. Бишкек: Фонд «Сорос-Кыргызстан», 1999.
- Брудный А.* Персонетика. М.: Лабиринт, 2003.
- Брудный А.* Психологическая герменевтика. М.: Лабиринт, 2005.
- Брудный А.* Фрагменты (Семантика языка и психология человека). Бишкек: Американский Университет в Центральной Азии, 2017.
- Брудный А., Багдасарова Н.* Текст как машина превращений // AUCA Academic Review 2007. № 2. С. 50–56. [Электронный ресурс]. https://dspace.auca.kg/bitstream/123456789/93/1/Brudnyi_Bagdasarova_2007_2.pdf (дата обращения: 15.09.2023).

Research Article

Bagdasarova, N. Dimensions of the Chronotope of the 1970s: Fragmentary Writing in Academic Discourse (with examples from Roland Barthes and Aron Brudny) [Illyustraciia k hronotopu 1970-h: fragmentarnoe pis'mo v akademicheskom diskurse (na primere Rolana Barta i Arona Brudnogo)]. *Anthropologies*, 2023, No 1, pp.27-43, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2023-1/27-43>

Nina Bagdasarova | Ph.D., Professor American University of Central Asia (AUCA), Bishkek Psychology Department. Division of Social Sciences. | bagdasarova_n@auca.kg
nina.bagdasarova@gmail.com | <https://orcid.org/0009-0008-4372-5454>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Keywords: Aron Brudny, 'death of author', fragmented writing, Roland Barthes, sense, text

Abstract: The essay is devoted to the analysis of the diaries of the famous Soviet philosopher Aron Brudny from 1974 to 1989. The style of writing, which can be called «writing by fragments», is chosen for the analysis. We discuss the emergence of such writing in the 1970s in France and the USSR using the example of Brudny's diaries and books, in comparison with Roland Barthes' texts «A Lover's Discourse: fragments» and «How to Live Together», as part of a common chronotope. We offer an interpretation of the emergence and popularization of fragmentary writing in academia as a moment of shift in the understanding of the author's role in the production of meanings. In the 1970s, the focus of meaning-making moves from the figure of the author to the text itself, and to the reader who interacts with this text. To illustrate this thesis, materials from Brudny's diaries and Barthes' works are used.

References

- Bagdasarova, N. 2016. Lichnost'. Obshhee. Obshhenie. Progressivnaia filosofia sovetskoi periferii [Personality. General. Communication. Progressive philosophy of the Soviet periphery]. *Ponyatiia o sovetskom v Centralnoi Azii: Almanakh Shtaba № 2*, eds. G. Mamedov, O. Shatalova. Bishkek: Shtab-Press: 130–174.
- Bart, R. 1994. Smert' avtora [Death of the author]. *Bart, R. Izbrannie raboty: Semiotika. Poetika*. M.: 384–391.
- Bart, R. 2002. *Fragmenty rechi vliublennogo* [Fragments of a lover 's speech]. M.: Ad Marginem.
- Bart, R. 2016. *Kak zhit' vmeste: romanicheskie simuliacii nekotorykh prostranstv povsednevnosti* [How to live together: romantic simulations of some everyday spaces]. M.: Ad Marginem Press.
- Brudnyi, A. 1992. Metafizika igry [Metaphysics of the game]. *Apokrif*, 2. URL: <https://lizardian.livejournal.com/954463.html> (accessed 15.09.2023).
- Brudnyi, A. 1999. *Prostranstvo vozmozhnostei* [The space of possibilities]. Bishkek: Fond Soros-Kyrgyzstan.

- Brudnyi, A. 2003. *Personetika* [Personetics]. M: Labirint.
- Brudnyi, A. 2005. *Psikhologicheskaia germenetika* [Psychological hermeneutics]. M: Labirint.
- Brudnyi, A. 2017. *Fragmenty (Semantika yazyka i psikhologiiia cheloveka)* [Fragments (Semantics of language and human psychology)]. Bishkek: Amerikanskii Universitet v Central'noi Azii.
- Brudnyi, A., Bagdasarova, N. 2007. *Tekst kak mashina prevrashhenii* [Text as a transformation machine] // *AUCA Academic Review*, 2: 50–56. URL: https://dspace.auca.kg/bitstream/123456789/93/1/Brudnyi_Bagdasarova_2007_2.pdf (accessed 15.09.2023).

